

Между

Небом

И

Землей

Айрапетова
Марина

Марина Сергеевна Айрапетова

Между небом и землей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70460254

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник рассказов. Короткие зарисовки из жизни совершенно разных людей, живущих в разных точках земли. Все они разного возраста, с разным жизненным опытом, полученным в совершенно разных условиях. Но как же схожи их чувства и ощущения.

Марина Айрапетова

Между небом и землей

Сказка

Бабушка, продав дом в деревне, переселилась в город к детям. Из многочисленных детей у неё по прошествии тяжелых лет, голода и войны осталось всего четверо да ещё приёмьшь, дочка умершей двоюродной сестры. Из жалости к маленькому ребетенку, хоть и было тогда их и своих много, взяла ее к себе и привязалась к ней, как к родной. Девочка была кроткого нрава, ее все приняли, кому-то она просто не мешала, а кто-то ее полюбил всем сердцем.

Итак бабушка переселилась в город. Жила она теперь по-немногу у всех. Это, наверное, было непросто, но старуха, привыкшая к разным и не таким жизненным трудностям, переносила это просто, с открытой душой. Душа

эта впитывала все, что ее окружало. И все это каким-то образом там раскладывалось, не делая душу жёстче и суровее.

Звали ее Александрой, бабушкой Сашей. Круглое лицо ее было все в клеточку, сухие, но гладкие и добрые руки тоже были морщинистыми. От некогда густой косы осталось одно название, которое она ловко скручивала в фигурьку на затылке. Она голову по деревенски всегда покрывала платком, по праздником белым с голубыми крестиками, а в остальные

дни донашивала старые. Драповое коричневое ее пальто было очень тяжелым, но бабушка говорила, что когда вещь тяжелая ее «маешь». Пальто было с двумя большими накладными карманами, в которых всегда внуки могли отыскать го-стинец.

Саша была набожной, каждый вечер исправно молилась и долгими вечерами сидела за Библией. Бабушка была неграмотной, но каким-то загадочным образом могла прочесть все, что ни попросишь в Библии. Эту загадку так до конца ее жизни никому из окружающих не удалось разгадать. И читала она и молилась под свой бубнёж, мелодично певучий и почему-то веселый. Так казалось одной из ее внучек, которая любила бабушку во всех ее проявлениях, любила подглядывать в щелочки прикрытых глаз за ее молитвой. Бабушка, уверенная, что маленькая проказница уже давно спит, делала это при свете накрытой платком лампы. Поворчать на внучку она тоже любила, но как-то совсем не злобно. Девочка ябедничала маме, а потом, сожалея об этом, подлизывалась. Иногда Саша обижалась на кого-нибудь и какое-то время ходила с плотно поджатыми губами. Потом губы уставали и разжимались в добродушную улыбку, ждать приходилось недолго. Маленькая проказница была у неё единственной маленькой среди многочисленных внуков. Саша подолгу проживала в этой семье. Жили они в достатке и благополучно, сын, отец самой маленькой внучки был тоже самым младшим и любимым среди ее детей. И невестка к ней отно-

силась внимательно и по доброму. Ягода-внучка очень любила эти периоды. Во-первых каждое воскресенье бабушка отправлялась в полюбившуюся ей церковь к заутрене. И хотя эта церковь была намного дальше другой и тоже действующей, она, подолгу дожидаясь автобуса, ехала все же в ту, полюбившуюся. А когда возвращалась, то в своём большом коричневом кармане приносила внучке просвиры. Девочка их съедала с невероятным удовольствием. Вкуснее ничего не было на свете! А вторая радость наступала по вечерам, когда Саша усаживалась поодаль от девочкиной кровати на пуфик и начинала петь разные народные песни из её1 молодости. А ещё она любила «сказывать» сказки. И сказки эти были удивительными! Вернее они, наверное, все были историями из жизни ее, ее знакомых или когда-то слышанными. Но отличительной чертой их было то, что все они были с трагическими концами. И как же было здорово заливаться вместе с бабушкой слезами! Никого роднее в эти моменты у них на свете в эти минуты не было! С тех пор девочке сказка без слез казалась не сказкой. Господи, как же бабушка сладко и горестно причитала, плача над трагедией своих героев! Потом мама обычно прерывала этот хоровой плач, говоря, что ребёнку давно пора спать. Бабушка тихонько выходила из комнаты, а девочка засыпала в сладких слезах.

С тех пор прошло страшно подумать сколько времени, а воспоминание до сих пор согревало душу.

Стадо

Деревня эта находилась высоко в горах. На краю горы она заканчивалась монастырем, очень древним монастырем. Монастырь был по сей день действующим. Некогда эта деревня была богатой. Домов здесь было много. Детей в ней тоже было много. Шумная ватага ребятни целыми днями носилась по улицам и дворам. А дворы всегда оставались открытыми, да и двери домов никогда никто не запирали. Все беды и радости переживали вместе. Так и перемещались с одной веранды на другую, и оттуда далеко в горах разносился то смех, то плач, и всегда слышны были песни. Песни протяжные, скорбные, нежные, душевные и всегда спокойные, бархатные.

Почти каждый дом держал скотину. В основном это были овцы, был в этой деревне и осел очень горластый и упрямый. Каждое утро старик-пастух, проходя по всем улицам села, собирал овец в стадо и вёл его выше в горы на выпас. Это происходило всегда ранним утром, когда солнце только наметало, что собирается показаться из-за гор. Возвращались они к полудню, и овцы постепенно, проходя мимо своих дворов, расплзались. Мимо монастыря к своему дому, что стоял прямо на краю горы, притулившись к стене монастыря, старик уже шёл один, кивая встречным односельчанам. Старик жил всю жизнь в этом селе, слыл молчуном, но философом. Пожалуй все его любили и уважали, и овцы, конечно, тоже.

Иногда в село приезжала из Москвы столичная гостья. Ро-

дом она была отсюда, дедом ее был некогда настоятель этого монастыря, человек прогрессивный и деятельный. Им в деревне была организована школа для местных детей. По его инициативе был сооружён источник питьевой воды из горного ручья. Вся деревня стекалась сюда за свежей и вкусной водой. Когда внучка его подросла, родители ее, которые были врачами и служили в госпитале внизу, у подножия гор, забрали единственную дочь к себе, дабы дать ей городское образование. Потом девочка выросла, вышла замуж и переехала к мужу в Москву.

Уже давно умер тот настоятель монастыря, родители-врачи. А женщина эта иногда все же приезжала навестить своё детство.

Однажды она приехала со своей младшей дочкой, девочкой лет десяти. Ребёнок был типично городской, но шустрый и любопытный. Остановились они не в родовом доме, окружённом огромным садом с персиковыми деревьями. Дом этот и сад давно уже поделили между собой два брата, дальних родственника настоятеля. Отношения с ними у приехавшей складывались непросто. Жила в этом селе ещё семья подруги ее матери. Семья большая, шумная и очень гостеприимная. Вот у них-то и останавливалась всегда гостья. На этот раз им с дочкой выделили целую комнату, маленькую, но уютную, с окнами на тенистую сторону. Каждое утро девочку будила труба, на которой во всю мощь кто-то играл под окнами. Спустя несколько дней девочка узнала, что это

был тот самый местный осел, который издавал этот протяжный с переливами звук. «Осел специально приходит меня будить!»— решила гордо девочка.

В те годы даже в сёлах учили русский, дети все говорили с акцентом, но понятно. В свою компанию ее принимали, но девочка была любопытной, поэтому любила тереться и рядом со взрослыми. Правда, общались они между собой и с ее мамой на своём языке, но наблюдать за их жестами, мимикой и проворными действиями ей было очень интересно. А дел у этих людей было очень много.

Но самым знаменательным событием в тамошней ее жизни было знакомство со стариком-пастухом и его овцами. Сначала она встречала его, когда он возвращался и помогала ему закрывать их в загонах, куда они и сами покорно стремились, уставшие от похода. Со стариком она общалась по русски, а он на непонятном ей языке. Русского он не знал, но жесты его были очень красноречивыми. Ей все было понятно и без слов. Однажды он позвал ее пойти с ним прямо с утра туда в горы. Так как она радостно закивала своими хвостами, он зашёл в дом, где они остановились и обсудил это предложение со взрослыми. После некоторого колебания, но под всеобщее заверение, что это совсем не опасное мероприятие, мама тоже согласилась.

Весь день девочка готовилась к походу и даже легла спать, против обыкновения, очень рано. Ночью она тоже, как говорят, «спала вполглаза», боясь проспять важный день. Но

все получилось и даже с запасом. Так что, когда старик с частью собранных овец появился около их дома, попутчица уже стояла с хозяйскими овцами рядом с двором. Не смотря на то, что дни стояли очень жаркие, утро раннее для неё оказалось неожиданно прохладным. Старик достал из сумки, что болталась у него на поясе, какую-то небольшую шкуру и набросил ей на плечи меховой стороной внутрь. Стало быстро тепло, правда, сильно пахло овцой. Всю дорогу в горы они шли молча, прислушиваясь к просыпающимся горам. А просыпались они с шорохами, запахами бликами и журчанием проснувшихся мелких ручейков от источников, тихо спускающихся с гор. Наконец они вместе со стадом вышли на совершенно пологую площадку просторную, тенистую от нависающих с гор кустарников с бурным ручьём между двух огромных, видно некогда свалившихся с вершин, камней. По тому, как замедлились движения старика и по стаду, как по команде, рассредоточившемуся по поляне, девочка поняла, что здесь и будет их привал.

Теперь она пожалела, что не послушалась взрослых и не взяла с собой приготовленную для неё еду. Есть ужасно хотелось и пить тоже. Но тут старик, расстелил и ту шкуру, что она уже давно с себя сняла, и другую такую же, что висела у него на поясе с другой стороны от сумки, у подножия старого, ветвистого дерева с широкой кроной. Он чинно уселся на одну из них и пригласил попутчицу последовать его примеру. Затем он достал из сумы два кулёка. Это был

очень вкусный домашний сыр и хлеб свежий, душистый, домашнего производства. Она знала эту вкуснейшую еду. Здесь все занимались ее изготовлением. Потом вытряс огромных и спелых четыре помидора, а на них положил пучок душистой зелени. А пить позвал девочку к ручью и показал, как это делать, зачерпывая воду пригоршней. Вода была холодная, пенистая, даже немного обжигающая. Лучше всякого лимонада! Есть, молчать, смотреть друг на друга смеющимися от счастья глазами и слушать шорохи гор и пение птиц было ужасно здорово! Иногда блеяли овцы, напоминая о себе, но им тоже было не до старика и девочки. У овец ведь тоже был завтрак сочный, питательный и вкусный.

Поев, старик обтер рот морщинистой обугленного цвета рукой, сдвинул шапку, которая всегда торчала на его голове, вперёд на глаза и, притулившись к дереву, задремал. Девочке вовсе не было скучно, теперь она могла изучать старика совершенно открыто. Это было очень интересно! У него были такие глубокие морщины на лице, что казалось, лицо его когда-то кто-то сильными руками выжил как бельё, а расправить забыл. И руки его были очень похожи на корни старого дерева, что торчат из каменистой почвы, такие же сухие, тёмные и жилистые. Старик мирно сопел с присвистом, и жидкая его борода все время вздрагивала.

Прошло какое-то время, девочка, насладившись, одиночеством, уже начинала скучать. Но старик вдруг резко проснулся и, побрякивая, встал. Они вместе сложили остат-

ки его пожитков обратно в сумку. Девочка стрясла крошки со шкур и вернула их деду. Когда они оба были готовы, он издал какой-то своеобразный звук, похожий на скрипучий свист. И овцы, как по команде, стали собираться в кучу и жаться к пастуху. Процессия двинулась в обратный путь. Солнце уже всю накаливало вершины гор и выжженная земля каменела.

Утренние походы продолжились. Молчаливая дружба старика и девочки крепла. Но день отъезда приближался. Все-му приходит конец. Вот и этому этапу в жизни и девочки, и старика, и даже послушных овец наступил конец.

Шли годы, девочка повзрослела, почувствовала приближение старости. Много разных периодов было уже прожито. Длинная, туго сплетённая коса памяти начинала тянуть к земле. Она решила вернуться в детство, придаться приятным воспоминаниям.

И вот перед ней все то же село. Но нет, оно совсем другое. Монастырь на месте и действующий, сюда даже привозят экскурсии. Дома теперь очень разные, есть большие, обустроенные, но их немного. А много ветхих или вовсе заброшенных. Она и дом прадеда посетила. В одной из его половин жил теперь стареющий сын тех родственников с женой и дочерью. В доме все было очень бедно и скудно. Даже вопреки

традиционной гостеприимности и хлебосольства угощать им было нечем. И это было похоже на правду. Вторая часть

дома вообще стояла заброшенная и почерневшая. Второй хозяин уже давно уехал в город и там пролез во власть. Семья брата и старый дом вместе со всей деревней были вне его интересов. Но самое удручающее впечатление производил некогда пышный и ароматный сад. От него почти ничего и не осталось. Всюду царила заброшенность.

Детей тоже почти не было видно на улицах. Молодые покидали деревню, стремясь скорее перебраться в город или в районный центр в поисках работы. А значит и детей уже заводили вдали от деревни. Да и школы теперь здесь не было. Учителя, что были нестарые разъехались, а старые умерли. Оставшихся детей теперь старенький, обшарпанный автобус возил в школу в районный центр, что располагался в низине между гор.

Старики, которые встречались по дороге, казались очень грустными, убогими, брошенными. Она поинтересовалась у тех, что стояли у покосившегося магазина о стаде. На неё посмотрели удивленно. А продавец сказал: «Стада уж давно у нас нет. Есть ещё кое у кого несколько овец, они сами их пасут. Чтобы в деревне было стадо, нужен пастух, крепкий и мудрый старик и ребятишки».

Как все изменилось здесь. А ведь горы все те же окружали эту деревню, и те же ручьи, журча, спускались с них. И так же солнце заваливалось за вершину горы. А утром, наверное, так же тихо выглянет из-за другой.

Ей было грустно и одиноко теперь в этой деревне. Надо

было уезжать, последний по расписанию автобус скоро придет. Пора спускаться вниз, на землю. Она в последний раз обвела взглядом длинную стену монастыря с журчащим источником вкусной, всегда прохладной и одновременно обжигающей воды., ещё раскалённое солнцем небо, но уже меняющее цвет на вечерний тон. Потом отыскала взглядом вершину другой горы, за которую всегда чинно уходило солнце. Все это оставалось прежним. Вдруг осел так же трубно завопил из какого-то двора, напомнив ей о том лете.

Туда, где живет ветер

Маленький мальчик шёл с отцом за руку, а ветер дул прямо им в лицо. Малышу это нравилось. Во-первых ему просто нравилось вот так идти с папой за руку, во-вторых папа шёл очень довольный, а значит ему нравился ветер, который дул в лицо, а в-третьих ветер очень смешно шевелил волосы на голове малыша, залезал за воротник и щекотал шею, подмышки, задувая в рукава. А если малыш раскрывал рот, то ветер влетал в рот и раздувал щеки. Это было самое смешное!

Шло время, папа куда-то делся из его жизни. Иногда звонил, иногда присылал деньги на что-нибудь для сына. Но сам больше не появлялся. А ветер приходил и довольно часто. Иногда, развеселившись, ветер ломал очередную хрупкую конструкцию, сделанную мальчиком из ЛЕГО. Но мальчик все прощал своему любимчику.

А годы все шли и шли, иногда ускоряя или замедляя шаги.

Ветер всегда был рядом, многих и даже маму он раздражал, но не мальчика.

А мальчик уже давно стал юношей. Его теперь нередко раздражали девушки, которые во время их совместных прогулок начинали жаловаться на ветреную погоду и настаивали на том, что надо где-нибудь укрыться.

А ветер дул в разных направлениях, иногда надувая всякие проблемы, потом сдувая их. Так подошло время серьезных перемен, закончилась школа. Благодаря усилиям и связям мамы, он попал в нужный институт. Надо было во что бы то ни стало обойтись без службы в армии. Так считала мама, и он тоже был с ней согласен. Мама благодаря своей нужной и важной профессии, она была гинекологом, при чем с очень хорошей репутацией, имела обширные связи. Ее очень уважали и ценили ее пациентки. А, как известно, все пациентки бывают чьими-нибудь жёнами, любовницам, дочками.

Итак, юный любитель ветра по имени Филипп оказался студентом. К окончанию школы у него не сформировалось никакой склонности к какой-либо профессии. Учился он в школе хорошо и ровно почти по всем предметам, мозги у него были хорошие, как считали все вокруг. Но к наукам Филипп был равнодушен. Романтиком он слыл среди одноклассников и однокурсников, и мама с ними была согласна. Но Филипп был ветреным романтиком. А вот это уже накладывало определенный отпечаток на его карьеру и судьбу. Мама понимала это и сокрушалась, но не шумно, а молча и

грустно. Она очень любила своего странного ветреного романтика. А вот современные девушки как раз это не любили. Им подавай деятельных и перспективных. А тут один ветер! Так что по воле своей природы он получался одиночкой, хотя и был симпатичным, умным и вовсе не молчуном.

Учеба в институте ему давалась легко, но занимала его внимание ровно на столько, сколько надо было для получения хороших результатов в сессии, а значит и получения стипендии.

Живя недалеко от Нескучного сада, он часто проводил там своё свободное время. Туда его водили родители сначала вместе, потом порознь, туда он бегал с уроков вместе с одноклассниками. Туда он водил девушек. И именно после этих ветреных прогулок они его и бросали. У Филиппа было излюбленное место в этом саду. Там чаще всего бывало ветрено. И именно ветер и прогонял этих девушек. Ветер как будто оберегал одиночество своего обожателя. А Филипп все ходил туда и ходил. Это был скошенный край сада, этим скосом сад спускался к дорожке, что разделяла сад и береговую зону реки. По этому откосу были установлены очень современные скамейки, на которых можно было сидеть с вытянутыми вперёд ногами, как на разложенном диване. В хорошую и тёплую погоду их очень любила обсиживать молодежь. Но Филипп как раз в такую погоду сидел прямо на траве, а рядом лежал его велосипед. Но он сюда приходил или приезжал в любую погоду, и тогда мог выбирать любую из этих

скамеек.

Глядя со стороны на этого молодого человека, сидящего подолгу почти неподвижно на ветру и глядящего каким-то невидящим, куда-то летящим взглядом, трудно было предположить о чем он думает. А Филя просто летал вместе с ветром. Филей шутя называла его мама. Она говорила, что он сам, как ветер при сквозняке, раз и вылетел, захлопнув либо дверь, либо окно. И имя Филя по ее словам тоже было похоже на свист ветра. Ещё он обожал быструю езду на велосипеде. Нет, здесь речь шла не о спорте, а как всегда о ветре. Ветер похоже тоже любит кататься на велике. А все же сидеть на излюбленном месте было самым приятным занятием. Ему очень нравился вид, который открывался с этого места. В этой картине, казалось, было все про его город. И все это открывалось ему, зрителю, сидящему в амфитеатре. А ветер здесь выступал в роли режиссера. По его желанию ощущение от видимого и сама картина постоянно менялись. Все было очень зыбким и неуловимым. Вот именно эта тайна ветра, которую пытался постичь Филя, и делала его одиночкой. Ну кому о ней расскажешь?...

Но однажды, в один из таких вот ветреных, но тёплых дней к нему, сидящему на траве рядом с великом, подсел незнакомый человек. Человек этот был пожилой, просто, почти по-спортивному одетый с очень благообразным и добрым лицом. Но осанка и выправка, не смотря на возраст, да ещё и определенные морщины на лбу и подбородке, все это

намекало на большое мужское прошлое. Незнакомец оказался общительным. Его заинтересовал задумчивый молодой человек, долго сидящий неподвижно, подставив лицо ветру. Незнакомец явно обладал психологическим мышлением, поэтому он начал предусмотрительно разговор с себя.

Два дня тому назад он прилетел сюда, в Москву аж из Анадыря. Это далеко, в районе вечной мерзлоты, это самая восточная точка России. А прилетел он из такой дали по скорбному случаю, на похороны своего друга однополчанина. Они вместе служили долгое время во авиации, там в Заполярье. Но похороны были вчера, а теперь ему пора было отправляться восвояси. Завтра у него рейс рано утром. Сегодня он попрощаться заходил к родным друга, они живут вон там, на другом берегу, в «серьёзных домах», как выразился незнакомец. Потом он представился, сказав, что зовут его Семёном Ивановичем, правда, в школе, где он уже давно работает и хозяйственником, и сторожем, и слесарем, его все величают Дедом.

—Я не сержусь, я их всех люблю, и они меня не обижают.

Рассказал он немало, но оставил место и для вопросов. Потом помолчал ещё с минуту и полностью развернулся к Филиппу. Мол, ну давай, теперь твоя очередь. Филя подачу принял и не заставил себя долго уговаривать. Правда, рассказывать ему особенно-то и нечего было. Но Дед слушал внимательно. Когда Филя смолк, Дед хмыкнул, прокашлялся и спросил: «А на ветру ты сидишь не случайно, да?». Фи-

ля кивнул и улыбнулся, Дед ему уже нравился.

–Ну а вот сейчас закончишь эту свою учебу, и куда? Чем заниматься хочешь?–

Филя пожал плечами.

–Слушай, парень, а давай к нам в Анадырь! Наши места считаются самыми ветреными в стране. Дело тебе там найдём, ветер именно у нас и живет. А мать твоя ещё не старая, может быть ещё и свою жизнь устроит. Да и ты ее всегда навестить сможешь.

Потом он помолчал, обмозговывая что-то. И вдруг спросил:

–А с математикой и физикой у тебя как?

–Что значит как?–удивился Филя. –Это моя специальность.

Дед резко приободрился.

–Так давай к нам в школу. У нас с учителями беда. Мало их. А детишки все плодятся. В том году учитель, что вёл эти предметы, помер. Весь год наша директриса мыкается, чем пустоту заткнуть не знает.

–Так я ж не учитель. И институт мой не педагогический.

–Да это ерунда, она тебя с радостью возьмёт, а с документами сама уладит. И у тебя получится, ты ведь романтик, я это сразу в тебе заметил. А детям именно романтики нужны. С ними летать надо!– сказав все это аж на одном дыхании, новый знакомый опять сел, устало вздохнул и, посмотрев на часы, заторопился. Но прежде чем уйти, он достал

из кармана какой-то старый биле на самолет и ручку. Потом ещё раз внимательно посмотрел в глаза Филе и написал адрес и номер школы. Он аккуратно сложил этот билет и, протянув Филе, добавив

– Спросишь меня, Деда, ну то есть Семена Ивановича. Меня все знают, я и живу при школе. Так что хоть днём, хоть ночью приходи.

Дед встал, протянул Филе свою огромную и сухую руку старика. Филя пожал ее с удовольствием и почему-то с благодарностью. За что он его благодарил, ему самому было пока не очень понятно. Только ли за рассказ и предложение, только ли за интересно проведенное время, только ли за откровенность? Что-то принёс тёплое ему этот человек из своего холодного и ветреного края. И не забрал обратно, а как подарил.

Последние экзамены полностью поглотили время Филиппа. Но вот и все теперь позади, гуляй Вася, по имени Филипп! Забыть разговор с Дедом Филя не мог, ветер тоже постоянно приносил какую-нибудь его фразу, побряхтывание. Филя несколько дней не вылезал из интернета, изучая этот далекий край. Понял, что путь туда лежит через Хабаровск. В общей сложности перелёт займёт всего-то каких-нибудь девять часов. И все, он в краю, где живет ветер! Да и со школой можно подумать, говорят, у учителей больше свободного времени, да и каникулы существуют. Потом он ещё где-то читал, что дети искреннее взрослых, им легче понять стран-

ности других. Они ведь почти все и сами очень странные существа.

Итак, решение сформировалось, предстоял разговор с мамой. Несколько дней Филя оттягивал этот момент, репетировал. Но зоркая мама сама почувствовала, что надо поговорить. Ко всему прочему ее тоже волновало то, чем сын теперь собирается заниматься. Ему, ведь, как способному ученику, предлагали остаться работать на кафедре. Может стоит попробовать? А романтика подождёт...?

В этот мамин выходной Филя остался дома, он созрел для разговора, слова подобрал, доводы скомпоновал. Мама, по всей видимости, тоже была готова. Но к такому ли разговору?...

Слушая сына, мама смотрела на него по-детски широко раскрытыми глазами, автоматически рвала на мелкие кусочки салфетку и постоянно меняла своё положение на стуле. Но слушала она молча, даже не пытаясь перебивать. Филя закончил свою тщательно подготовленную речь, которая всё-таки оказалась сбивчивой и несколько сумбурной. Теперь мамыны глаза смотрели куда-то вовнутрь, она искала совета и помощи именно там. Так, немного сгорбившись и молча, она просидела довольно долго. Филя от волнения аж вспотел, ему стало невыносимо жарко. Он встал и открыл во всю ширь окно. Добрый Друг давно уже там поджидал, он влетел в квартиру и разом изменил обстановку. Мама вдруг очнулась, выпрямилась и улыбнулась Филе. Ты едешь в гости к

ветру, я должна была это сразу понять. Филипп успокоился, он видел, что мама его понимает. Ему стало легко на душе.

Билеты, сборы и подготовка к отъезду заняли целую неделю. Филя даже не успевал посетить своё любимое место в Саду. Разве что по вечерам немного катался на велосипеде. И потом, он не хотел надолго оставлять мать одну теперь, а она по максимуму освободила себя на эти дни от побочных дел. Но в предпоследний день, когда мать вызвали на работу, Филипп отправился в Нескучный проститься с московским ветром. После велосипедного круга он как всегда уселся на своём любимом откосе. Неподалёку сидела девушка тоже с великом, причесанная и одетая по-мальчишески. Она очень обрадовалась такому соседству и быстро передвинулась поближе. Девушка была чрезвычайно разговорчивая. Она охотно по собственной инициативе рассказывала о себе вперемешку с вопросами о нем. Из разговора выяснилось, что она этим летом наконец закончила надоевшую до чертиков школу. И теперь она студентка педагогического. И она вдруг высокопарно и поставленным голосом сообщила, что будет преподавателем словесности. Филя даже хмыкнул, настолько нелепо звучало это из уст этого сорванца с великом. Да, а зовут ее, вдруг добавила она, очень даже подходяще для такой вот профессии, Наталией Александровной! С этим Филя уж не мог не согласиться. Когда эта Наталья узнала, куда ее новый знакомый уезжает, она очень смешно присвистнула и на некоторое время замолчала. А когда Филя ещё и

обосновал такой выбор своей страстной любовью к ветру, у Наташи вдруг появился хитрый огонёк в глазах, и она веселым голосом очень серьезно изрекла, что его, Филю, туда ветер заманивает. И добавила, что зовут этот северный ветер Семён Иванович, или просто Дед. И они оба очень долго и весело смеялись над этим ее очень ёмким заключением.

На следующий день Филя, распрощавшись с мамой и друзьями, которые набились к ним в квартиру с самого утра, один, таково было его условие, отправился в аэропорт. Предстояло долгое путешествие к намеченной впервые, надо отметить, цели. Но он чувствовал поддержку друга, ветер его подгонял, дуя в спину.

Между небом и землей

Жил старик в маленькой живописной деревушке, что находится в Арагоне в провинции Теруэль. Со всех сторон эта живописная местность окружена горами. Горы, поросшие растительностью и голо-скалистые, окружают со всех сторон эту местность. А долины тут сплошь покрыты зелёными сочными лугами. Занимаются здесь землей и овцами.

Старика звали Хорхе. Всю свою жизнь он провёл в этих местах, всю жизнь работал на земле, всю жизнь его внимательный крестьянский взгляд был устремлён в землю. Он обрабатывал ее, ухаживал за ней и даже разговаривал с ней. Глаза к небу он поднимал лишь для того, чтобы определить, чем порадуют или огорчат небеса его землю.

Хорхе всегда носил одежду темного цвета. Некогда густые

каштановые волосы его теперь были седые с редким вкраплением темных волос. От природы крепкий и высокий мужик, он с годами подсох и сгорбился немного, но жилы в нем были все ещё упругими. Была у него и жена, но вот уже лет десять, как ее не стало. Любил ли он свою жену? Любил, наверное, ведь жена же. Она была дочерью соседей его родителей. Вот соседи и сговорились между собой, что союз этот будет всем удобен. Можно будет объединить участки и создать общими усилиями вполне зажиточное хозяйство. Звали дочь соседей Альба. Это была девушка лицом не примечательная, крепкого телосложения и работающая. Ну что ещё надо для крестьянской счастливой семейной жизни? Да Хорхе и не сопротивлялся. Надо, так надо. Он ее особенно и не разглядывал, да и зачем это? Любил он ее так же, как землю. Он понимал, что надо ее кормить, заботиться о ее сохранности и возделывать. Только так можно было достичь плодородия. И он достигал его: и урожай всегда удавался, и четверых сыновей с его помощью нарожала ему жена.

Но шли годы, жизнь стремительно менялась. Старик-родители и его, и его жены все умерли, вскоре ушла за ними на покой, уставшая от суровой жизни, жена. Сыновья погоды выросли и по одному потянулись в города, цивилизация была очень притягательной. Когда уезжал самый младший, Хорхе ещё был крепок и, хоть и с грустью, но без страха отпускал последнего. Не так уж далеко они все отправлялись, да и нет-нет, да навестят старика. Тогда он ещё надеялся, что

сыновья обзаведутся семьями, а значит и детьми. Это само собой разумелось в сознании крестьянина. И тогда, считал он, потянутся они опять к земле. Далеко он был от представления современной, да ещё и городской жизни.

А жизнь шла и шла по своим законам и правилам, а он привык уважать все это. Вот и жил, как велела ему сама жизнь. Сыновья же жили быстрой и суетной жизнью, семьями то обзаводились, то вдруг меняли все. Он уже и не пытался разобраться в их сложной городской жизни. С детьми все тоже не спешили. А младший даже и ни разу ещё не женился. Так было в городе, а здесь в деревне старел их отец. Теперь он чаще присаживался во время работы, собирая в горсть остатки сил. Теперь у него появилась новая для него черта, он во время таких пауз задирает голову и устремлял чуть мутный и усталый взгляд вверх. Старик только теперь стал замечать, что все горы, что плотным кольцом сцепились вокруг его селения, устремлялись туда, ввысь, к небу. «Там, наверное, совсем иначе дышится. И небо, может быть, можно потрогать...»-думал старик.

Землю он трогает всю жизнь, с закрытыми глазами может все рассказать о любой горсти земли. А ведь каждая горсть имеет свои особенности. Но эта земля очень зависит от неба, и горы, видно, тоже зависят. Иначе от чего они так к нему тянутся. А дней отведённых ему остаётся все меньше, Хорхе это теперь хорошо ощущал.

Очередной урожайный сезон шёл к концу, впереди зим-

ний относительный покой и у земли, а значит, и у него. Теперь он жил в ожидании сыновних визитов, так было у них заведено. Последним из всех навещал старика-отца младший, Даниэль. Всем сыновьям раздавались дары осеннего урожая. Если сыновья были в этот период с семьями, то забирали подарки охотнее. Младший по молодости вообще не любил уезжать с грузом.

Перед самыми непогодами наконец приехал Даниэль. Хорхе был рад, что сын успел до дождей и холодов. В голове у него давно уже созрел один план, и осуществить его, как представлялось отцу-старика, легче всего было с Даниэлем. Связь у него с младшим сыном была мягче. То ли отец с возрастом становился помягче, то ли последний отличался по характеру от остальных сыновей.

Первые два дня старик сына не трогал, дал ему насладиться деревенским покоем и сочной деревенской едой. Оба дня старик и сам собирался с духом, но время уже поджимало, он это теперь точно чувствовал. И вот на второй день, после ужина, почувствовав, что сын скоро начнёт собираться в обратный путь, старик решился

попросить сына сопроводить его наверх, на одну из самых высоких гор, что окружали эту местность.

Хорхе поведал сыну об открытии, которое сделал совсем недавно, но которое захватило его теперешние думы. Он рассказал ему, что вдруг совсем по-иному увидел небо и увидел, как эти величественные горы устремляются к нему. Поведал

сыну о своей мечте, пока ещё не поздно, попасть туда, поближе к вершине. В слово поздно он, конечно, вкладывал свой смысл. Сын понял по-своему, мол, пока позволяет погода. Но и это понимание для старика было подходящим. Даниэль удивился, что такую простую просьбу отец так торжественно и таинственно преподнёс. Это было очень легко осуществить современному молодому человеку. Он знал, что по дороге на одну из самых высоких здешних гор располагается сразу несколько маленьких отелей, так что для Даниэля эта поездка не представлялась трудной. Они стоворились выехать на следующий день как можно раньше. И Хорхе с легким сердцем ушёл спать.

Раннее утро выдалось серым, ветреным, но без дождя. Старик радовался ветру, возлагая на него свои надежды на ясное небо там наверху. Даниэль вёл машину осторожно, понимая, что отец уже немолод, и впервые поднимается так высоко. По просьбе отца, Даниэль ехал к отелю, расположенному ближе к вершине. Добрались они довольно быстро, так же быстро разместились в очень уютном номере маленького опустевшего, как всегда в такое время года, отеля. Отдыхать долго старик не согласился, и после короткого перекуса в отельном ресторанчике они отправились на прогулку. Ветер оправдал надежды Хорхе, он и сам куда-то исчез и всю хмарь с неба с собой унёс.

Отель располагался на небольшом плато, немного нависающем над остальной частью горы. По краю была сдела-

на крепкая невысокая изгородь, так что можно было, стоя вплотную, любоваться открывающейся перспективой. Хорхе, как заворожённый, стоял и смотрел на свою землю. Земля ему вдруг показалась такой маленькой со всеми ее пашнями, садами, рощами, деревнями, и, наверное, даже городами. Все это было мелочью по сравнению с необъятным простором, открывшимся старику отсюда. Дышалось здесь труднее, чем внизу. Хорхе подумал, что этому причиной было количество воздуха вокруг. Они с сыном стояли здесь вдвоём, и все вокруг, казалось, было для них. Старика от этих мыслей даже в жар бросило. Даниэль сначала радовался за отца, видя его повеселевшие и оживившиеся глаза. У старика даже походка здесь изменилась, он шагал легче, не так приземлённо. Но потом сына стал настораживать непривычный блеск глаз и редкие подергивания всего тела, как при ознобе. Даниэль поинтересовался самочувствием отца. Но в ответ он только услышал, что тот ничего знать не хочет о своём самочувствии, он теперь хочет скорее добраться туда, выше, где вообще нет помех. Он хотел увидеть свободное пространство со всех сторон. А тут одну сторону закрывал остаток горы, да ещё и с отелом. Даниэль понял, что перечить старику было бесполезно. Надо было идти, пока позволяло время и погода. Даниэль достал из машины на всякий случай плед дорожный, который всегда валялся у него в багажнике для того, чтобы было чем прикрыть старика от прохлады и ветра там на вершине. И вот они смело отправились в путь.

Тропа была узкая, но безопасная и исхоженная туристами. По дороге растительность убывала, и постепенно лучше открывался обзор. Старик тяжело дышал, шагал тяжелее, но упорно шёл следом. Даниэль уже теперь и не знал, что ему следовало делать, то ли радоваться за отца, то ли беспокоиться. Эти два чувства в сыне плотно смешались.

Восхождение заняло около часа с двумя короткими передышками. И вот они на вершине. Солнце светило, но через тонкую пелену, будто там, наверху задернули полупрозрачную занавеску, чтобы легче было смотреть. Ветер был здесь сильнее, но, к счастью, пока тёплый. Даниэль бросил плед на каменистый выступ, предлагая отцу присесть. Хорхе и не подумал, он топтался на месте, поворачиваясь во все стороны, и радовался простору как ребёнок. Сын даже залюбовался отцом, незнакомым, величественным и одновременно по-детски трогательным казался он в этой позе. Старик долго так стоял, потом прикрыл глаза, громко сглотнул, может быть все, что не мог высказать, и поднял руки вверх, расставив их очень широко. Так он простоял ещё немного, чуть покачиваясь. Потом, вдруг сбросив с себя торжественность, тихо присел на постеленный сыном плед и сразу весь обмяк, сморщился и затих. Он сидел и, глядя куда-то в бесконечность, думал о чем-то своём. Даниэль не трогал отца, но беспокойство за него нарастало. Ожидание чего-то стояло рядом и напоминало о своём присутствии.

Ветер усилился и нагнал серые облака, которые, сменив

тонкую занавеску, задрапировали солнце. Надо было спустаться. Хорхе это тоже понял, но прежде чем встать, он обратился к сыну: «Я тебе благодарен за этот поход. Я должен был это увидеть, мне здесь хорошо. Ты ведь сегодня хотел возвратиться в город, так ведь?» Даниэль смущенно кивнул. «А я хотел бы здесь ещё немного побыть. Оставь меня на дня два в этом отеле, а потом вернёшься за мной. Я ведь впервые о чём-то прошу тебя, сделай это для меня, сын», - сказал старик хриплым голосом.

До отеля они шли молча, только Даниэль уговорил старика завернуться в плед. В отеле они вместе пообедали, разговаривать обоим не хотелось, может быть из-за усталости, а может быть и ещё что-то мешало. После обеда оба вышли из отеля. Прежде чем проводить сына до машины, Хорхе увлёк его на смотровую площадку с ограждением. Именно здесь произошла первая встреча старика с простором. Он ещё раз уже бывалым взглядом посмотрел вверх, потом вниз, постоял задумавшись, потом резко обернулся к сыну и сказал: «Ну ступай, тебе пора на землю, тебя там ждёт твоя жизнь. А я хочу здесь немного приготовиться. Мне скоро вон туда отправляться», - сказал он, указывая рукой вверх, - «надо привыкнуть к высоте». Неожиданно для себя, они оба крепко обнялись. У обоих вдруг промелькнула догадка, что может быть это была их последняя встреча.